

у печки — поправляет дымный дрова. Барышни сбъжали сверху.

— Во, видите, куда загнали! Ничего, живем! Раздвайтесь, завтракать будем. А, въ Москву везете? И отлично. Подзакусимъ, и поѣдете.

Лена съ Мусей снова хохотали. Мать поправила сѣдую пряжу и закурила.

— Видите, не унимаются. Имъ хоть бы что. Колю вернули, мы опять всѣ вмѣстѣ, вотъ вамъ и хохочутъ.

— Знаете — Муся блестяла выпуклыми глазами: Красавинъ тутъ къ Ленѣ прицѣливался, нѣтъ, вообразите вотъ нахаль, но все-таки въ немъ что-то есть, вы не находите?

Я улыбнулась. Женщины! Отъ вѣка было такъ, до вѣка будетъ. Конечно, типъ съ татуировкой долженъ дѣйствовать. Кровь на немъ — но это все не важно, даже не занятѣй ли?

Мы не дозавтракали еще, я кисель глотала, вдругъ Муся выскочила, кинулась къ окну. Потомъ въ переднюю, заперла дверь.

— Лена, веди Маркела Димитрича къ себѣ. Красавинъ возвратился.

По блеску дерзкихъ глазъ, по измѣнившемуся голосу мы сразу поняли все.

— Тарелку, вилку, уберите.

Лена выхватила моего Маркела, утащила въ корридоръ. Я убрала приборъ. Мгновенно стало у насъ тихо и серьезно, такъ серьезно...

— Вы сказали, что вашъ мужъ въ Москвѣ? шептала Муся. — Офицеръ! Какъ скверно.

Рукоятку двери тронули.

— Мама, отпирай не сразу.

Сама Муся тоже выбѣжала.

Марья Гавриловна отворяла медленно. Я ѣла свой кисель со странною внимательностью. Все для меня сошло теперь на кисель несчастномъ.

Красавинъ вошелъ хмуро. Шея у него бѣлѣла неприятно.

— Портфелькъ позабылъ. Пришлось вернуться.

Я въ окно смотрѣла. У елокъ, гдѣ привязанъ Пѣтушокъ, двое красноармейцевъ отпускали лошадямъ подпруги. Значитъ, не сбъжишь.

— А, вы... Я васъ помню. Что-жъ вашъ мужъ еще въ Москвѣ?

— Въ Москвѣ.

— Обманываете, скрываете... вздохнулъ, обвелъ вокругъ глазами. — Понятно, своихъ жалко.

Онъ сѣлъ и замолчалъ. Зацѣпенѣлъ, глаза сонные стали. Знакомое и неприятное прошло. Красавинъ всталъ, вышелъ, медленно сталъ подниматься въ мезонинъ.

— Куда вы?

Онъ мнѣ улыбнулся медленно и дерзко.

— Портфельчикъ свой ишу.

Я тоже за нимъ двинулась. Дверь въ комнату притворена. Толкнулъ. Пріотворилась, но опять захлопнулась.

— Нельзя, переодѣваюсь.

Голосъ Муси звонокъ, рѣзокъ...

— Ну подожду... мнѣ надо.

— Ждать нечего, крикнула Муся:

войти нельзя, я нездорова и ложусь.

— Нужно!

Онъ было двинулся, но предо мной остановился.

— Тамъ не одна барышня, пробормоталъ. — Я знаю, не одна. Я чувствую.

— Муся нездорова. Вы слышали? Вы туда войти не можете.

Онъ молчалъ, и я молчала, на него глядѣла. Какъ все ясно, все межъ нами безслвно шло! Враги... Сейчасъ рѣшается. Но и во мнѣ зажглось, другого швѣта, отъ меня, я знала, тоже шель потокъ, невидимый, но шель.

— Эх-хъ, бабы!

Красавинъ повернулся, быстро внизъ спустился.

Я стояла, ноги мои занѣмили, и за дверью было тихо, точно умерли всѣ трое. А въ окно я видѣла, какъ вышелъ съ задняго крыльца Красавинъ, Танька подала ему портфелькъ, подошелъ онъ къ елочкамъ. Красноармейцы завозились у коней. Вско- чилъ, мотнулся тѣмъ же въ нашу сторону, револьверъ выхватилъ, дважды на воздухъ выстрѣлилъ. Ударилъ лошадь, грузно поскакалъ.

Я отворила дверь. Дѣвицы нѣсколько блѣдны. Маркель мрачно сидѣлъ у стола.

— Фу, чортъ... какая мерзость... ну, тово... еще минута, я-бы вышелъ самъ.

Лена захохотала.

— Какъ глупо! Выдали бы и себя и насъ.

Муся бросилась ко мнѣ и обняла.

— Наталья Николаевна, молодчина! Прямо вырвала зубами.

— Съ волками жить, по волчьи выть.

И больше я не мѣшкала. Черезъ полчаса мы ѣхали уже съ Маркеломъ по пустынь полямъ. Мы были молчаливы. Въ каждой деревушкѣ вглядывалась я, не видно-ли гдѣ всадниковъ. Казалось, всѣ насъ знаютъ, всѣ слѣдятъ, что вотъ везу я мужа офицера. Но нами мало кто былъ занятъ. У всѣхъ довольно и своихъ заботъ.

На станціи Маркель вскочилъ въ вагонъ товарный. Я заглянула и туда. Мальчики съ ковригами, баба толстенная, явно обложенная подъ одеждой снѣдью, нѣсколько солдатъ, двѣ-три скамейки, холодъ, угольная пыль на полу... Маркель пытался бы-

ло примоститься въ уголокъ, но баба сердобольно отсовѣтовала.

— Не садитесь, баринъ, тамъ нагажено.

Все-таки, поѣздъ ихъ ушелъ. Мнѣ стало легче. Возвращаться домой поздно, далеко! И я отправилась къ Колгушину — тамъ ночевать.

Колгушинъ жилъ со старушкой матерью въ крошечномъ домикѣ — прежній сгорѣлъ еще въ войну — и рядомъ строилъ новый. Теперь постройка ужъ не двигалась. Но онъ водилъ меня межъ полувыведенныхъ стѣнъ кирпичныхъ, изъ угловъ крапива выбивалась. Такъ-же веселье, хохоталъ и потиралъ руки, бобрикъ свой поглаживалъ.

— Жаль папочку, да, жаль, да, но и меня чуть не ухлопали. Мужички подвели, сами-же и вытащили на возстаніе на это, но и я не дуракъ. Дѣхалъ съ ними до большой дороги, а потомъ вернулся. Вотъ тутъ и доказывай.

— Когда все кончится, то я дострою. Да. Вотъ тутъ столовая, тутъ кабинетъ мой, видите, на прудъ выходитъ, здѣсь мамашу мы устроимъ: Маленькая комнатка, ну, да старушкѣ многого не надо. Да, на новоселье, милости прошу.

Пока-же революція шла и его таскали по чекамъ, онъ развлекался тѣмъ, что воровалъ изъ собственнаго-же амбара, запечатаннаго, собственныя вещи. Лазилъ ночью чрезъ оконце слуховое, разбиралъ накатъ и на могучихъ плечахъ выволакивалъ шлеи, колеса, хомуты, мѣшки съ овсомъ и рожью.

Какъ у Петра Степаныча тогда, я чувствовала у него себя по-заговорщицки и, если-бъ нужно, я бы помогала въ воровствѣ. Мы провели вечеръ въ жаркой комнаткѣ съ гудѣвшими отъ тепла мухами, при крошечной копилкѣ-лампочкѣ. Пахло душнымъ, сладковатымъ и немножко копотью. Я отдыхала отъ волнений. Ёла коржики съ вареніемъ, говорили о Москвѣ, Парижѣ и Италіи, а на дворѣ гремѣлъ ноябрь.

Мы были безконечно далеко отъ прошлаго моего. Но въ томъ убожествѣ, гдѣ находились, грустно-умилительно мнѣ было вспоминать о молодости.

Всетаки, поѣздъ ихъ ушелъ. Мнѣ стало легче. Возвращаться домой поздно, далеко! И я отправилась къ Колгушину — тамъ ночевать.

Колгушинъ жилъ со старушкой матерью въ крошечномъ домикѣ — прежній сгорѣлъ еще въ войну — и рядомъ строилъ новый. Теперь постройка ужъ не двигалась. Но онъ водилъ меня межъ полувыведенныхъ стѣнъ кирпичныхъ, изъ угловъ крапива выбивалась. Такъ-же веселье, хохоталъ и потиралъ руки, бобрикъ свой поглаживалъ.

— Жаль папочку, да, жаль, да, но и меня чуть не ухлопали. Мужички подвели, сами-же и вытащили на возстаніе на это, но и я не дуракъ. Дѣхалъ съ ними до большой дороги, а потомъ вернулся. Вотъ тутъ и доказывай.

— Когда все кончится, то я дострою. Да. Вотъ тутъ столовая, тутъ кабинетъ мой, видите, на прудъ выходитъ, здѣсь мамашу мы устроимъ: Маленькая комнатка, ну, да старушкѣ многого не надо. Да, на новоселье, милости прошу.

Пока-же революція шла и его таскали по чекамъ, онъ развлекался тѣмъ, что воровалъ изъ собственнаго-же амбара, запечатаннаго, собственныя вещи. Лазилъ ночью чрезъ оконце слуховое, разбиралъ накатъ и на могучихъ плечахъ выволакивалъ шлеи, колеса, хомуты, мѣшки съ овсомъ и рожью.

Какъ у Петра Степаныча тогда, я чувствовала у него себя по-заговорщицки и, если-бъ нужно, я бы помогала въ воровствѣ. Мы провели вечеръ въ жаркой комнаткѣ съ гудѣвшими отъ тепла мухами, при крошечной копилкѣ-лампочкѣ. Пахло душнымъ, сладковатымъ и немножко копотью. Я отдыхала отъ волнений. Ёла коржики съ вареніемъ, говорили о Москвѣ, Парижѣ и Италіи, а на дворѣ гремѣлъ ноябрь.

Мы были безконечно далеко отъ прошлаго моего. Но въ томъ убожествѣ, гдѣ находились, грустно-умилительно мнѣ было вспоминать о молодости.

Всетаки, поѣздъ ихъ ушелъ. Мнѣ стало легче. Возвращаться домой поздно, далеко! И я отправилась къ Колгушину — тамъ ночевать.

Колгушинъ жилъ со старушкой матерью въ крошечномъ домикѣ — прежній сгорѣлъ еще въ войну — и рядомъ строилъ новый. Теперь постройка ужъ не двигалась. Но онъ водилъ меня межъ полувыведенныхъ стѣнъ кирпичныхъ, изъ угловъ крапива выбивалась. Такъ-же веселье, хохоталъ и потиралъ руки, бобрикъ свой поглаживалъ.

— Жаль папочку, да, жаль, да, но и меня чуть не ухлопали. Мужички подвели, сами-же и вытащили на возстаніе на это, но и я не дуракъ. Дѣхалъ съ ними до большой дороги, а потомъ вернулся. Вотъ тутъ и доказывай.

— Когда все кончится, то я дострою. Да. Вотъ тутъ столовая, тутъ кабинетъ мой, видите, на прудъ выходитъ, здѣсь мамашу мы устроимъ: Маленькая комнатка, ну, да старушкѣ многого не надо. Да, на новоселье, милости прошу.

Пока-же революція шла и его таскали по чекамъ, онъ развлекался тѣмъ, что воровалъ изъ собственнаго-же амбара, запечатаннаго, собственныя вещи. Лазилъ ночью чрезъ оконце слуховое, разбиралъ накатъ и на могучихъ плечахъ выволакивалъ шлеи, колеса, хомуты, мѣшки съ овсомъ и рожью.

Какъ у Петра Степаныча тогда, я чувствовала у него себя по-заговорщицки и, если-бъ нужно, я бы помогала въ воровствѣ. Мы провели вечеръ въ жаркой комнаткѣ съ гудѣвшими отъ тепла мухами, при крошечной копилкѣ-лампочкѣ. Пахло душнымъ, сладковатымъ и немножко копотью. Я отдыхала отъ волнений. Ёла коржики съ вареніемъ, говорили о Москвѣ, Парижѣ и Италіи, а на дворѣ гремѣлъ ноябрь.

ДАЛЕКОЕ

II.

Льеть безъ конца. Въ лѣсу туманъ. Качаютъ елки головою:

«Ахъ, Боже мой!» — Лѣсъ точно пьянъ,

Пресыщенъ влагой дождевою.

Въ сторожкѣ темной у окна Сидитъ и ложкой бьетъ ребенокъ. Мать на печи, — все спитъ она, Въ сырыхъ снѣгахъ мычитъ теленокъ.

Въ сторожкѣ грусть, мушинный гудъ... — Затѣмъ въ лѣсу звенитъ овсянка, Грибы растутъ, цвѣты цвѣтутъ И травы ярки, какъ медянка.

— Затѣмъ подъ мѣрный шумъ дождя Томясь всѣмъ міромъ и сторожкой, Большеголовое дитя Долбитъ о подоконникъ ложкой.

Мычитъ теленокъ, какъ нѣмой, И клонятъ горестныя елки Свои зеленныя иголки: «Ахъ, Боже мой! — Ахъ, Боже мой!»

Ив. Тургеневъ

ЧЕСТЬ

Разсказъ Пьера Гампа, перев. съ фр. В. Шлецера. Иллюстраціи худ. Д. М. Виннера.

Хорошій былъ рабочій — Жюль Гастенсъ. Онъ мастеръ былъ работать; шимъ пивомъ, съ можжевеловой водкой. А пока дойдешь до докторскаго дома, такихъ кабачковъ встрѣтишь, и позволялъ себѣ пить лишь тогда, когда считалъ себя въ своемъ правѣ: Развѣ можетъ быть заводская мѣстность безъ кабаковъ?

Гдѣ же и музыку слушаешь, какъ не въ кабакѣ! Всюду стояли аппараты, производившіе музыку механически и совсѣмъ недорого: два су за оперную арію.

Жюль Гастенсъ увѣренъ былъ, что можжевеловая водка помогаетъ отъ ревматизмовъ. Несмотря на то что онъ носилъ толстые сабо и плотный кожаный передникъ, онъ чувствовалъ себя промокшимъ насквозь среди сырыхъ, вонючихъ шкуръ. Онъ говорилъ:

«Нужно согрѣваться изнутри, а то вода проникаетъ въ тѣло; когда же она дойдетъ до костей, человекъ не можетъ двигаться».

Если бы Гастенсъ изучилъ медицину, онъ не остался бы работать на кожевенномъ заводѣ и не сталъ бы чистить шкуры.

Нельзя требовать многого отъ чело- вѣка, который всю жизнь свою скребетъ воловьи шкуры. Но Гастенсъ за- то хорошо зналъ эти шкуры, отъ мѣст-

ныхъ, зеленыхъ и просоленныхъ, вонявшихъ крѣпко, но легко очищавшихся, до тѣхъ, которыя привозили изъ далекихъ странъ, изъ Америки, изъ Китая: большія, высушенныя солнцемъ шкуры, твердыя какъ доски и съ которыхъ, промывъ кожу онъ срѣзаетъ куски мяса, которые могли бы насытить крупнаго пса.

Какой это былъ пиръ для мухъ! Гастенсъ ихъ порою убивалъ, такъ какъ онъ лѣзали и на него; по злобѣ своей, говаривалъ онъ: если столько валялось кругомъ гніющихъ обрѣзковъ, чего онъ лѣзали къ бѣдному, погруженному въ свой трудъ рабочему.

Онъ давилъ ихъ, не глядя, и не прерывая почти своей работы, которая вѣдь не ждала. Но однажды онъ заставили его потерять много времени. Онъ не замѣтилъ какъ одна изъ нихъ укусила его: появилась маленькая опухоль, на затылкѣ, какъ разъ тамъ, гдѣ кончались волосы, и жестокой зудъ довелъ его почти до бѣшенства. Онъ чесался торопливо и ругался.

На звуки его сердитаго голоса приблизился директоръ.

— «Ну что, спросилъ онъ, у васъ много возни съ этими китайскими шкурами?» — «Да нѣтъ, не особенно, отвѣтилъ Гастенсъ, но зудитъ вотъ тутъ, на затылкѣ».

Директоръ нагнулъ его голову, повернулъ его затылокъ къ свѣту, чтобы лучше рассмотреть опухоль. Это былъ

Вар. Зинцевъ